

8. Пихтовникова Л. С. Языковые фильтры: неравновесные состояния и развитие языка / Л. С. Пихтовникова // Нова філологія. – 2002. – № 1. – Запоріжжя. – С. 33–38.
9. Стилистика английского языка / А. Н. Мороховский, О. П. Воробьева, Н. И. Лихошерст, З. В. Тимошенко. – Киев : Вища шк., 1991. 272 с.
10. Maugaham S. Sixty-Five Short Stories / Maugham S. London : William Heinemann Limited and Octopus Books Limited, 1976. – 937 p.

Статтю подано до редколегії
23.03.2012 р.

УДК 811.111'342.9

Пеливан О. К. – кандидат филологических наук, исполняющий обязанности доцента кафедры теоретической и прикладной фонетики английского языка факультета романо-германской филологии Одесского национального университета имени И. И. Мечникова

Лингвистические средства реализации вежливости / невежливости в английском формальном конфликтном диалогическом дискурсе

Работа выполнена на кафедре теоретической и прикладной фонетики английского языка ОНУ им. И. И. Мечникова

Статья посвящена выявлению лингвистических средств актуализации вежливости/невежливости в англоязычном формальном конфликтном диалогическом дискурсе.

Ключевые слова: вежливость, невежливость, вежливый формальный конфликтный диалогический дискурс, невежливый формальный конфликтный диалогический дискурс.

Пеливан О. К. Лінгвістичні засоби реалізації ввічливості / неввічливості в англійському формальному конфліктному діалогічному дискурсі. Статтю присвячено виявленню лінгвістичних засобів актуалізації ввічливості/неввічливості в англомовному формальному конфліктному діалогічному дискурсі.

Ключові слова: ввічливість, неввічливість, ввічливий формальний конфліктний діалогічний дискурс, неввічливий формальний конфліктний діалогічний дискурс.

Pelivan O. K. Linguistic Means of Politeness / Impoliteness Realization in English Formal Conflict Dialogical Discourse. The immediate aim of the article is to define linguistic means of politeness/impoliteness realization in English formal conflict dialogical discourse.

Key words: politeness, impoliteness, polite formal conflict dialogical discourse, impolite formal conflict dialogical discourse.

Постановка научной проблемы и ее значение. Одной из центральных проблем современной лингвистики является межличностная коммуникация, obligatorным элементом которой является вежливость. На настоящем этапе развития гуманитарных наук ученые единодушно сходятся во мнении о том, что вежливость относится к разряду социальных феноменов, регулирующих межличностное взаимодействие людей с тем, чтобы оно протекало ровно, гладко, успешно и бесконфликтно. В связи с этим, в последние годы вежливость стала объектом внимания многих ученых в разных отраслях знаний (социологии, социальной психологии, антропологии), и прежде всего – в парадигме лингвистических наук.

Целью данной работы является изучение лингвистических средств реализации вежливости в англоязычном *формальном конфликтном* диалогическом дискурсе.

Поставленная цель обусловила необходимость решения следующих **задач**:

– обобщить существующие дефиниции понятия «вежливость», «невежливость», «конфликт», «речевой конфликт»;

– классифицировать исследуемые формальные конфликтные диалогические единства;

– охарактеризовать лингвистические особенности каждой из анализируемых групп формальных конфликтных диалогических единств на основе аудиторского анализа.

Объектом данного исследования выступает устный англоязычный формальный конфликтный диалогический дискурс.

Предметом исследования являются лингвистические (лексико-синтаксические и просодические) средства актуализации вежливости/невежливости в англоязычном конфликтном диалогическом дискурсе.

Изложение основного материала и обоснование полученных результатов исследования. Прежде чем приступить к анализу лингвистических средств выражения категории вежливости, необходимо обозначить содержание данного понятия и его определение.

В зарубежной лингвистике придается особое значение исследованию категории вежливости [3; 6; 9], так как считается, что данная категория играет немаловажную роль в процессе коммуникации. Однако, в отличие от более ранних работ [3], в которых категория вежливости рассматривается в рамках предложения и фразы, в настоящее время исследователи стремятся изучить ее на уровне дискурса [4].

Существуют различные определения вежливости, которые можно разделить на четыре группы: 1) вежливость как поведение, направленное на избежание конфликта и обеспечение успешной коммуникации [3]; 2) вежливость как поведение, соответствующее определенным социальным установкам [6]; 3) вежливость как внимание к чувствам других [8]; и 4) вежливость как оценка слушающим поведения говорящего как вежливого [10].

Наиболее распространенным в лингвистической теории является определение вежливости как поведения, направленного на избежание конфликтов и обеспечение успешной коммуникации между собеседниками. «Вежливость составляет набор таких способов поведения, которые используются для предотвращения и улаживания конфликтов» [10, 71]. Это определение исходит из понимания вежливости как набора тактик, направленных на построение гармоничных отношений между людьми, и поэтому служит выражению основной цели вежливости – оптимизации процесса коммуникации [7, 89].

Альтернативным определением вежливости является ее понимание как соответствующего и адекватного социальным нормам поведения («Вежливость – это форма общественно-приемлемого поведения», то есть оно укладывается в рамки установленного «контракта разговора» («conversational contract» – определение, предложенное Б. Фрейзером) [6, 233]. Установленный контракт разговора подразумевает наличие определенных норм, связанных с ожиданиями собеседников. «В действиях, обобщающихся под “вежливыми”, понимаются следующие два проявления: 1) отнесенность действий к специфическому социально установившемуся регулятиву; 2) совершение таких действий, которые выходят за рамки социально требуемых, но в то же время не переходят границ регулятивов» [5, 74]. Некоторые нормы налагаются обществом, другие определяются в процессе взаимодействия. Таким образом, это определение указывает на нормативную и конвенциональную природу вежливости.

Третий подход к понятию вежливости включает ее понимание как внимание к чувствам других. По мнению некоторых ученых, в процессе взаимодействия необходимо принимать во внимание социальный статус собеседника и социальные отношения, установить удобную для всех дистанцию, помнить о социальных нормах [10, 89].

В последнем десятилетии XX века появился четвертый подход к определению вежливости как оценки слушающим поведения говорящего как вежливого. При данном подходе подразумевается, что акцент в трактовке вежливости переместился с личности говорящего на личность слушающего, в центре внимания стало удовлетворение не только личных интересов адресанта, но в большей степени интересов адресата.

Таким образом, вежливость стали трактовать в терминах управляющих мотивов, намерений и конечных целей [3; 9]. Научная мысль устремилась с рассмотрения поверхностной манифестации феномена вежливости в глубь ее содержания.

Под вежливостью в нашей работе понимается социо-прагматический феномен, способствующий регулированию межличностного взаимодействия людей с тем, чтобы оно протекало ровно, гладко,

успешно и бесконфликтно. Невежливость – это антипод вежливости, реактивность участников коммуникации, неспособность держать себя в рамках вежливости; это противоположный ей (вежливости) феномен, результатом которого является дисгармонизация общения.

Поскольку цель данной работы – выявить лингвистические средства реализации вежливости/невежливости в англоязычном формальном *конфликтном* диалогическом дискурсе, нам представляется целесообразным подробнее остановиться на определении конфликта в целом и речевого конфликта в частности. Следует отметить, что феномен конфликта достаточно глубоко изучен в психологии, а на современном этапе исследования межличностной коммуникации представляет огромный интерес и для лингвистов.

По мнению В. С. Третьяковой, речевой конфликт «имеет место тогда, когда одна из сторон в ущерб другой сознательно и активно совершает речевые действия, которые могут выражаться соответствующими негативными средствами языка и речи. Такие речевые действия говорящего – субъекта речи – определяют речевое поведение другой стороны – адресата: он, осознавая, что указанные речевые действия направлены против его интересов, предпринимает ответные речевые действия подобного рода, выражая отношение к предмету речи или собеседнику. *Эта противонаправленная интеракция и есть речевой конфликт*» [2, 131].

По мнению М. Я. Дымарского, «речекоммуникативный конфликт – это возникшее в ходе речевой коммуникации (коммуникативного контакта) столкновение, противостояние двух сторон (партнеров) коммуникации, которое обнаруживает себя через конфликтные коммуникативные ходы, такие как нанесение адресату коммуникативного и/или психологического ущерба (недоверие, угроза), понижение его статуса (дискредитация, негативная характеристика, оскорбление, высмеивание), противодействие нанесенному ущербу, а также через коммуникативные ходы, в которых наряду с тем или иным неконфликтным заданием содержится конфликтный потенциал за счет употребления особых средств, таких как директивный речевой акт как потенциальный конфликтный коммуникативный ход» [1, 29].

Материалом настоящего исследования послужили саундтреки к четырём англоязычным фильмам. Общий объем материала составил 120 страниц стандартного текста А-4 (254 диалога, 228 минут звучащего текста), из которого был отобран экспериментальный материал для аудиторского анализа (34 минуты звучащего текста, 52 формальных конфликтных диалога).

Исследуемые формальные конфликтные диалогические единства подразделялись на вежливые и невежливые. Таким образом, в данной работе мы исследуем два типа формальных конфликтных диалогических единств: вежливые формальные и невежливые формальные.

Для достижения поставленной цели был проведен аудиторский анализ материала исследования, в задачи которого входило выявление лингвистических параметров, служащих для реализации вежливости/невежливости в англоязычном формальном конфликтном диалогическом дискурсе.

Основным типом *формальных* конфликтных ситуаций, касающихся профессиональной сферы деятельности коммуникантов, является служебный конфликт, внутри которого было выделено три типа статусных отношений: начальник – подчиненный; начальник – начальник; подчиненный – подчиненный.

В исследуемых нами конфликтных диалогах, отражающих взаимоотношения начальник – подчиненный, можно выделить некоторые закономерности. Как правило, подчиненные обращаются к начальникам, используя вежливую форму *sir*, в то время как начальники чаще всего называют подчиненных по имени (*Carl*). Взаимодействия начальник – подчиненный характеризуются отсутствием заниженной лексики. В конфликтных ситуациях, когда подчиненный пытается доказать свою правоту или переубедить начальника, в его речи частотны восклицательные предложения (...*we could still catch him!* /... *we're not going to let him get away!*), он пользуется сложными синтаксическими структурами – сложноподчиненными и сложносочиненными предложениями (*Well, eventually, he's got to go back to where the checks were printed. I think that's why he's moving back through Europe!*).

По мнению аудиторов, вежливые формальные диалогические единства характеризуются на просодическом уровне средним (иногда с тенденцией к замедленному) темпом, средней громкостью и средним диапазоном. В 33,4% случаев аудиторы отметили, что темп является вежливым

параметром реализации вежливости в формальном общении. Однако стоит отметить, что темп в вежливом формальном общении был определен как нормальный (85,7 % случаев) с тенденцией к замедленному (14,3 %). Это дает основание утверждать, что в целом вежливое формальное конфликтное общение характеризуется относительно спокойным развитием и разрешением конфликта, поскольку коммуниканты связаны статусными отношениями. Например, подчиненный не может позволить себе разговаривать с начальником на повышенных тонах, с грубой тембральной окраской голоса и быстро, поскольку культура формального общения требует от него уважения к своему начальнику, который занимает более высокий пост и, как правило, является более образованным и опытным сотрудником. Необходимо, однако, отметить, что в некоторых случаях, несмотря на более высокий (или равный) социальный статус коммуниканта-подчиненного, ситуативно он обладает более низким коммуникативным статусом, поскольку его ситуативная роль предполагает подчинение начальнику в конкретной коммуникативной ситуации (например, аристократ, обладающий высоким социальным статусом, может быть вынужден подчиниться приказу капитана корабля, пассажиром которого он временно является).

В общении начальник – начальник аудиторы отметили, что коммуниканты, изначально обладая равным социальным статусом, будучи образованными, интеллигентными и воспитанными людьми, как правило, разрешают производственный конфликт цивилизованно и спокойно (93 %) и только в стрессовых ситуациях, требующих от них незамедлительного решения производственной проблемы (проблем) могут изменить высоту голоса (23 %) и его (голоса) тембральную окраску (17 %), выдавая тем самым легкое раздражение или недовольство. Громкость в такого рода конфликтных ситуациях остается неизменно средней в 89 % случаев. В конфликтном взаимодействии двух приблизительно равных по социальному статусу коммуникантов наблюдаются свои характерные лексико-синтаксические особенности. Как правило, оба коммуниканта чувствуют себя достаточно уверенно в коммуникативной ситуации. Аргументируя свою точку зрения, один из них употребляет в своей речи приказы и запреты (*You may not leave this ballroom / I'm within my authority to compel you to stay*). Ответная реплика другого может выражать протест, нежелание соглашаться с существующим положением вещей (*And don't for one second think you can stop me*). Однако, несмотря на существующее напряжение в процессе общения, оба коммуниканта сохраняют относительное спокойствие на протяжении всего взаимодействия.

Конфликтные взаимодействия между двумя подчиненными, по мнению аудиторов, характеризуются более высокой громкостью (53 %) и изменением тембральной окраски голоса (28 %), чем конфликтные взаимодействия начальник – начальник (11 % и 17 % соответственно). Это можно объяснить тем, что подчиненные в формальной конфликтной обстановке позволяют себе выражать свою точку зрения на решение той или иной производственной проблемы более эмоционально и настойчиво, нежели в общении с начальником.

По мнению аудиторов, невежливость в формальном общении чаще всего реализуется таким просодическим параметром как мелодия (29,4 %). Коммуниканты в процессе конфликтного взаимодействия чаще всего используют нисходящую ступенчатую шкалу (29,2 %), которая является самой распространенной шкалой и в вежливом формальном общении (47,3 % случаев). Это объясняется особенностями формального общения, которое требует от коммуникантов сдержанности, минимальной эмоциональности, максимального сокрытия внутренних переживаний.

В невежливом формальном конфликтном взаимодействии между начальником и подчиненным нисходящая ступенчатая шкала сочетается с низким нисходящим ядерным тоном в речи начальника в 79 % случаев, что свидетельствует о категоричности начальников в процессе конфликтного взаимодействия. Повелительные предложения в речи начальников (63 % случаев), оформленные нисходящей ступенчатой шкалой и низким нисходящим ядерным тоном, демонстрируют категоричность и твердость решения (59 %), а в 41 % случаев – раздражение и нетерпение. Общие вопросы, оформленные нисходящей ступенчатой шкалой и низким восходящим ядерным тоном, имеют целью не получение дополнительной информации, а выражение статусного превосходства начальника, а в некоторых случаях – проявление раздражения и недовольство начальника.

В целом взаимодействия начальник – подчиненный в невежливых формальных конфликтных диалогах характеризуются нормальным темпом (66,7 %) с тенденцией к замедленному (27,9 %), а в 5,4 % случаев – с тенденцией к убыстренному, что свидетельствует о том, что коммуниканты в формальном общении, будучи невежливыми, говорят быстрее, чем в вежливом формальном общении, не сдерживая тем самым своих отрицательных эмоций.

Во взаимодействии начальник – начальник в невежливой формальной конфликтной интеракции два равных по социальному статусу сотрудника позволяют себе общение на несколько повышенных тонах, отстаивая свою точку зрения и желая доказать свою правоту (49 % случаев). Изменение высоты голоса также является немаловажным просодическим параметром выражения невежливости в формальном конфликтном общении. Начальники, чтобы сделать свою роль более убедительной, меняют высоту голоса: от более низкого к более высокому, при этом громкость голоса зачастую не меняется, т.е. в такого рода невежливых формальных конфликтных взаимодействиях невежливость выражается за счет повышения высоты голоса, а не его громкости, что говорит о том, что статусно высокие коммуниканты используют в качестве средства реализации своего недовольства не крик, а лишь повышение высотного уровня голоса, так как считают крик недостойным их высокого статуса.

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы: формальные вежливые и невежливые конфликтные диалоги на лексическом и синтаксическом уровне характеризуются отсутствием разговорной, заниженной лексики; как правило, сложными синтаксическими структурами (сложноподчиненные и сложносочиненные предложения); на просодическом уровне – средним (иногда с тенденцией к замедленному) темпом, средней громкостью и средним диапазоном. Однако в случаях, когда служебный конфликт доходит до критической точки и собеседники прибегают к тактике вербальной агрессии, их речь становится максимально быстрой и громкой; коммуниканты могут в редких случаях позволить себе употребление заниженной лексики.

Перспективы дальнейшего исследования. Перспективным представляется электроакустический анализ мелодических, динамических и темпоральных параметров интонации, а также спектральный анализ речи дикторов-инициаторов конфликта и дикторов-субъектов, вовлеченных в конфликт.

Список использованной литературы

1. Дымарский М. Я. Где находится порог языкового конфликта? / М. Я. Дымарский // *Аспекты речевой конфликтологии* : сб. ст. под. ред. чл.-кор. Рос. академ. образования, проф. Ильенко. – СПб. : [б. и.], 1996. – С. 25–34.
2. Третьякова В. С. Конфликт глазами лингвиста / В. С. Третьякова // *Юрислингвистика-2* : русский язык в его естественном и юридическом бытии. – Барнаул : [б. и.], 2000. – С. 127–140.
3. Brown P. *Politeness : Some universals in language usage*. Cambridge / P. Brown, S. Levinson. – UK : Cambridge University Press, 1987. – 352 p.
4. Cristie C. *Politeness and the Linguistic Construction of Gender in Parliament: An Analysis of Transgressions and Apology Behaviour* [Electronic resource]. / C. Cristie // *Sheffield Hallam Working Papers on the Web: Linguistic Politeness Context*, 2005. – Access mode <http://www.schu.ac.uk/wpw/politeness/christie.htm>
5. Ehlich K. On the history of politeness / K. Ehlich // *Politeness in Language. Studies in its History, Theory and Practice* / Eds. R. Watts, S. Ide, K. Ehlich. – Berlin : Mouton de Gruyter, 1992. – P. 71–107.
6. Fraser B. *Perspectives on Politeness* / B. Fraser // *Journal of Pragmatics*. – 1990. – № 14. – P. 219–236.
7. Haugh M. Revisiting the conceptualization of politeness in English and Japanese / M. Haugh // *Multilingua*, 2004. – № 23. – P. 85–109.
8. Hill B., Ide S. *Universals of linguistic politeness: quantitative evidence from Japanese and American English* / B. Hill, S. Ide // *Journal of Pragmatics*, 1986. – № 10. – P. 347–371.
9. Kasper, G. *Linguistic Politeness: Current Research Issues* / G. Kasper // *Journal of Pragmatics*, 1990. – № 2. – P. 193–218.
10. Zimmerman, D. *Sex Roles. Interruptions and Silences in Conversations* / D. Zimmerman, C. West // *Language and Sex: Difference and Dominance* / eds. B. Thorne, N. Henley. – Newbury House, Boston, 1975. – P. 78–94.

Статья сдана в редколлегию
21.03.2012 г.